

Оглавление

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Священник Антоний Борисов 9

Можно ли считать К. С. Льюиса
«анонимным православным»?

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) 13

ЧАСТЬ I

ИССЛЕДУЯ МЕСТНОСТЬ

ГЛАВА 1. Льюис и Рипичип: реальность и мифология,
чтение и писание.

«Эксперимент в критике» и другие статьи 39

ГЛАВА 2. Творение, «малое творение» и благодарение.
«Племянник чародея», «Серебряное кресло» и «За жизнь мира»

о. Александра Шмемана 69

ГЛАВА 3. «Мировоззрение», чудеса и магия.

«Современное богословие и библейская критика»

и «Чудо» 103

ЧАСТЬ II

ПУТЕШЕСТВУЯ

ПО ТРУДНОДОСТУПНЫМ МЕСТАМ

ГЛАВА 4. Мыслить строго и поступать по совести.

«Человек отменяется» и «Кружной путь, или Блуждания
паломника» 137

глава 5. Теодицея, духовная слепота и аскеза.
«Пока мы лиц не обрели» и «Житие прп. Антония
Великого», написанное св. Афанасием 165

глава 6. Благословения и проклятия:
суд, искупление и великий обмен.
«Пока мы лиц не обрели», «Чудо»
и трактат свт. Афанасия «О воскресении» 195

Часть III ОПУСКАЯСЬ В ГЛУБИНУ И ВЗБИРАЯСЬ НА ВЫСОТУ

глава 7. Безнравственность и одержимость.
«Мерзейшая мощь» и «Грешники в руках разгневанного Бога»
Джонатана Эдвардса 237

глава 8. Возвращаясь к благословениям и проклятиям:
рай и ад.
«Расторжение брака» 265

глава 9. Тайнство и сущность, мужское и женское
начала.
«Мерзейшая мощь» и «Женщина и спасение мира»
Евдокимова 305

БИБЛИОГРАФИЯ 344

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 354

Вступительное слово

Каждый, кто считает себя христианином и пытается верить по-настоящему осмысленно, рано или поздно задается вопросом — как ему исполнить завет Христов о детстве в Боге: *будьте как дети* (Мф. 18: 3), *ибо таковых есть Царствие Божие* (Мк. 10: 14)?

Не будем погружаться в глубины утонченной экзегезы и отметим лишь следующее. Ребенку, в отличие от взрослого, свойственна прямота и ясность видения мира, а еще незамутненное переживание счастья. Чего нам, «умудренным» жизнью мужчинам и женщинам, подчас так сильно не хватает. Потому и охватывает наши сердца тоска по настоящей радости, которую доставляли нам в детстве неприглядные палки, казавшиеся рыцарскими мечами, или мамины платки, становившиеся вдруг королевскими мантиями.

Но, слава Богу, были и есть среди нас великовозрастные счастливицы, сумевшие сохранить чистую и пронзительную способность видеть первозданную красоту мира и человека в нем, а значит, соответствовать призыву Спасителя о детстве в Боге. Безусловно, одним из тех, кому подобное удалось, был знаменитый английский богослов и писатель Клайв Стейплз Льюис, которого друзья по его же просьбе именовали Джеком. В честь любимой собаки. Что за детская причуда, не правда ли?

Вокруг личности Льюиса и его творчества за прошедшие годы возникло немало легенд, а еще больше — шаблонных мифов, чьи создатели так хотят сделать знаменитого английского литератора «своим». Это, надо сказать,

задача неблагодарная и, в принципе, неисполнимая. Ведь по многочисленным воспоминаниям современников Льюис обладал исключительной внутренней свободой, которая проявляла себя не только в широте мысли, но и в упорном нежелании соответствовать какому-то одному определению. Так, Оуэн Барфилд, один из ближайших друзей писателя и по совместительству отец девочки Люси — прообраза Люси из «Хроник Нарнии», сказал однажды, что есть три Льюиса: ученый, апологет и сказочник. И это наблюдение как нельзя лучше соответствует действительности.

Клайв Льюис вошел в историю и как академический исследователь средневековой литературы, и как горячий защитник и проповедник христианства, и, конечно же, как писатель, создавший несколько сказочных произведений не только для детей, но и для взрослых. Большинство тут же вспомнят упомянутые уже «Хроники Нарнии». Но есть среди литературных работ Льюиса не менее интересные — глубокие притчи-аллегии («Пока мы лиц не обрели», «Кружной путь, или Блуждания паломника»), захватывающая «Космическая трилогия», утонченная ирония на демонскую логику «Письма Баламута».

Письменное наследие Клайва Льюиса богато и внутренне многообразно. Английский мыслитель не сковывал себя законами жанров, смело включая в свои тексты евангельские образы, античные мифы, средневековые легенды, современные ему философские концепции. И, к большому удивлению, эта причудливая смесь приобретала внутреннюю структурированность, что позволило приравнять Льюиса в плане широты и одновременно глубины мышления к Фоме Аквинскому.

Есть у произведений Льюиса еще одна притягательная черта. Даже в том случае, если мы имеем дело с возвышенной аллегорией-притчей, мы всё равно ощущаем подлинную жизненность, источаемую каждой строкой. Английский мыслитель никогда не творил исключительно

от головы. Все его произведения написаны также и от сердца и служат отражением того состояния, в котором он находился на тот момент. Этим и обусловлена та самая сложность с приданием Льюису однозначной характеристики. Он был живым человеком с обостренно-живым отношением к настоящему дню, который может вдохновить, а может и, наоборот, пригвоздить к земле тягостным унынием. В этом смысле в наследии Льюиса особенно выделяется малоизвестная в России работа 1961 г. — «Исследуя скорбь» («A Grief Observed»). Здесь обычно позитивный мыслитель предстает перед читателем практически ветхозаветным Иовом, убитым скорбью и спорящим с Богом.

Льюис необычайно популярен среди православных читателей, хотя сам он к Православной церкви не принадлежал, а являлся прихожанином церкви Англии. Причем и в данном случае наш герой отказывался жертвовать свободой и соответствовать каким-то устоявшимся стандартам. Льюис не относил себя ни к какому из течений внутри англиканизма — «я совершенно обычный рядовой член церкви Англии, не слишком „высокий“, не слишком „низкий“, и вообще не слишком что бы то ни было». Тем не менее именно в Православии, по большей части, в русском, Льюис снискал любовь многочисленных читателей, чему, безусловно, поспособствовали труды переводчиков и исследователей его трудов — Н. Л. Трауберг и Н. В. Эппле.

При этом, к сожалению, путеводителей (так называемых компаньонов — англ. companion), написанных православными учеными, на русском языке фактически нет. Вот почему предложенная вниманию читателей книга профессора богословия Эдит М. Хампфри «Ввысь и вглубь. Христианские беседы с К.С. Льюисом» заслуживает того, чтобы быть прочтенной. Автор, прошедшая сложный путь религиозных исканий и, наконец, обретшая духовное успокоение в Православной церкви, вот уже несколько десятилетий занимается внимательным чтением произведений Льюиса.

В результате у Хампфри появился самобытный академический курс «К. С. Льюис и Библия», который преподается ею в Питтсбургской богословской семинарии Пресвитерианской церкви США.

Представленная книга является квинтэссенцией и указанного курса, и многолетнего размышления над произведениями Льюиса. Эдит М. Хампфри осуществляет удачную попытку поместить идеи английского мыслителя в контекст библейского богословия в его православном и святоотеческом восприятии. Конечно, указанная особенность потребует от читателя определенного рода подготовки. Во-первых, знания произведений Льюиса: автор сознательно не предлагает содержательных спойлеров. А во-вторых, знакомства, хотя бы на начальном уровне, с библейскими текстами и богословием Православной церкви.

Но не стоит пугаться! В тех случаях, если на вашем пути возникнет какое-то затруднение, Эдит Хампфри, подобно мифической Ариадне, обязательно предложит путеводную нить и проведет по увлекательному лабиринту вдохновляющих идей и глубинных смыслов, открытых Льюисом. И конечно — в этом лабиринте не водятся злобных минотавров. Здесь обитает мудрый лев Аслан — символ евангельского Христа, детское счастье в котором Клайв Льюис смог, несмотря на пережитые страдания и утраты, всё же обрести при жизни!

Священник Антоний Борисов,
кандидат богословия,
доцент Московской духовной академии

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр)

Можно ли считать К. С. Льюиса «анонимным православным»?¹

1. «Умно, учтиво, по-христиански»

В своей интересной статье о Льюисе и православии «Под русским крестом» Эндрю Уолкер² вспоминает, как в Лондоне, на званом обеде, греческий епископ из Константинополя говорил об «анонимном православии» Льюиса. Был ли он прав? Д-р Уолкер замечает, что православные христиане очень любят Льюиса. Есть книжные магазины, где продают только православные книги, с одним исключением: Льюис. Есть и строго конфессиональные священники, которые учат катехуменов по трактату «Просто христианство».

И все-таки, насколько близок Льюис православию? Что думал он сам о восточном христианстве? Вторым вопросом я мог бы ему задать осенью 1952 года, когда поступил в Оксфорд, в его колледж (св. Магдалины). Жил я в новом здании, как и он, видел его каждый день, обычно до завтрака (мы оба гуляли). Пожелав друг другу на ходу доброго утра, мы расходились — и все. Я уже тянулся к православию и очень любил

---

¹ Публикуется в переводе Н. Трауберг в новой редакции Л. Сумм на основе последнего издания в *C.S. Lewis and the Church. Essays in Honour of Walter Hooper*, ed. by Judith Wolfe, B.N. Wolfe (London: T&T Clark, 2011), pp. 135–153.

² Andrew Walker, «Under the Russian Cross: A Research Note on C.S. Lewis and the Eastern Orthodox Church», в *A Christian for All Christians: Essays in Honour of C.S. Lewis*, ed. Andrew Walker and James Patrick (London: Regnery, 1990), p. 64. Я существенно опираюсь на эту статью.

Льюиса, но из робости не заговорил с ним, а он, по деликатности, не стал бы обращаться к чужому студенту. Конечно, если бы я подошел, он бы меня не обидел; но я не подходил, не спрашивал и ответа не знаю. Могу только гадать. Был так близко — но так далеко.

Внешним образом Льюис был связан с Православной церковью очень мало. По меньшей мере один раз присутствовал на литургии — в письме 1956 года он явно описывает то, что видел. Православное благочестие удивило его своей свободой и гибкостью:

Образец для меня — «русская православная» служба. Одни сидят, другие лежат ничком, кто-то стоит на коленях, кто-то просто стоит, кто-то ходит, и никто ни на кого не обращает внимания. Умно, учтиво и по-христиански. «Не лезь в чужие дела» — хорошее правило, даже в церкви¹.

В «Письмах к Малькольму», изданных после его смерти, в 1964 году, Льюис описывает, вероятно, ту же самую службу (хотя называет ее уже не «русской», а «греческой»): «Однажды я был на греческой литургии. Больше всего мне там понравилось, что у них, по-видимому, нет правил для прихожан. Одни стояли во весь рост, другие на коленях, третьи сидели, четвертые ходили по храму, а один вообще ползал по полу, словно гусеница. Замечательно, что никто совсем не следил за поведением соседей. Как бы мне хотелось, чтобы мы, англикане, поступали так же! Есть люди, которым очень мешает, что человек на соседней скамье крестится или не крестится. Им не то чтобы осуждать его — даже и присматриваться не следует: „Кто ты, осуждающий чужого раба?“»².

¹ Письмо миссис Джонсон 13 марта 1956 г. См.: *Letters of C. S. Lewis*. L., 1988. P. 454.

² Льюис К.С. Письма к Малькольму / Пер. Г. Ястребова // *Собр. соч.* в 8 т. Т. 8. М., 2006. С. 342.

Хотел бы я, чтобы все православные в Англии были такими терпимыми! Как ни печально, в некоторых приходах они зорко смотрят и строго судят. Льюис писал свое письмо в 1956 году, когда еще не побывал в Греции (они с женой поехали туда в апреле 1960). Вероятно, православную службу он видел в Оксфорде, в русской церкви на Марстон-стрит, но доказать это невозможно.

Православная церковь Греции ему тоже на удивление понравилась. Вернувшись, он писал Чедду Уолшу о до-христианских корнях народного православного благочестия:

Мы с Джой чуть не впали там в язычество. В Аттике, в Дафне трудно не помолиться Аполлону Целителю, и я не ощущал, что этого делать нельзя, я молился Христу *sub specie Apollinis*¹. На Родосе, в одной деревне, мы видели прекрасный христианский обряд, почти не чувствуя, что он чем-то отличается от наших. Священники очень приятны с виду, куда приятней большинства пасторов и патеров. А крестьяне ни за что не берут денег².

Как это ни грустно, признаем еще раз, что он идеализировал нас, православных. Что бы ни делали «крестьяне», священники деньги берут, а иногда и требуют.

Льюис довольно близко дружил с двумя православными, Николаем и Милицей Зерновыми. Николай Зернов³ приехал в Оксфорд в 1947 году, чтобы читать лекции о православной культуре. Не совсем ясно, когда они с Льюисом познакомились, но позже Зерновы гордились фотографией, где «Джек» сидит у них в гостиной на шатком низеньком

¹ *Sub specie Apollinis* — в образе Аполлона (лат.). — Прим. пер.

² Письмо от 23 мая 1960. См.: *Letters of C. S. Lewis*. P. 488–499.

³ Зёрнов Николай Михайлович (1898–1980) — эмигрант из России, играл видную роль в распространении православия в Англии, возглавлял кафедру истории православной культуры в Оксфордском университете. — Прим. пер.

стуле. За несколько лет до их приезда, еще во время войны, Льюис читал в Оксфордском отделении братств св. Альбана и св. Сергия доклад «Membership», который был потом напечатан в журнале «Соборность»¹. Читал он и в доме св. Григория и св. Маргариты, основанном четой Зерновых. Дату установить не удалось, но не ранее 1959 года, когда центр открылся. Назывался доклад очень загадочно: «Игрушка, икона, картинка», опубликован, видимо, не был и где-то потерялся². Осенью 1952 года Николай Зернов читал в Сократовском клубе доклад «Соловьев о добре и зле». Заседание вел Льюис, на нем выступал еще один русский православный, Евгений Ламперт³. Зерновы присутствовали на похоронах Льюиса 26 ноября 1963 года. Милица принесла крест из белых цветов, но ей сказали, что в храме цветов не будет. В конце концов ей разрешили разместить крест в головах гроба, а положить венок на гроб удалось уже на кладбище. «Кто бы подумал? — пишет Эндрю Уолкер. — Джек Льюис похоронен под русским крестом, под английским ноябрьским небом...»

2. К. С. Льюис и греческие отцы Церкви

Вот и все, насколько я знаю, — больше о личных встречах Льюиса с православием сказать нечего. Признаем честно, что их немного, и обратимся от его жизни к его трудам. Может быть, тут есть свидетельства какого-то влияния? Читая Льюиса, мы почти не встретим прямых ссылок на православных богословов. Это неудивительно. У него мало ссылок и на католиков,

¹ *Sobornost* NS 3' (June 1945), pp. 4–9; доклад несколько раз переиздавался, например, в C. S. Lewis, *Fern-Seed and Elephants and Other Essays on Christianity*, ed. Walter Hooper (London: Collins, 1977), pp. 11–25.

² Andrew Walker, “Under the Russian Cross,” pp. 65–65.

³ Walter Hooper, “Oxford’s Bonny Fighter,” in C.S. Lewis at the Breakfast and Other Reminiscences, ed. James T. Como (London: HarperCollins, 1984). Д-р Ламперт выступал также в Сократическом клубе в зимнем семестре 1945 г. В эссе фамилия оба раза искажена: «Ламберт».

англикан, пресвитериан, методистов, вообще на теоретиков каких бы то ни было конфессий. Толкуя христианское учение, он ничего не говорит о конфессиональных особенностях, и не случайно, а осознанно, намеренно. В апологетических трудах он подчеркнуто избегает межконфессиональной полемики, сосредоточиваясь на том, что объединяет христиан. По собственным его словам, он хочет изложить «то, во что верили всегда почти все христиане... то, что Бакстер¹ назвал „просто христианством“»². Льюиса не интересовали ни «церковничанье», ни институциональные стороны религии.

Хорошо, ссылок нет, и все же — испытал ли он влияние православных богословов? В таких книгах, как «Страдание» или «Чудо», цитат из нынешних, современных я не припомню, но в 40-х годах таких книг на английском было немного. Использовал ли он хотя бы греческих отцов, которые так весомы в Православии? Иногда, в общих словах, он говорит о патристике; например, пишет: «Мы защищаем... то, что проповедовали апостолы, свидетельствовали мученики, воплотил Символ веры, истолковали отцы»³. Однако ссылок на этих отцов у него очень мало, а если он кого и цитирует, то западных, чаще всего — Августина⁴.

Судя по его автобиографии, отцы не играли никакой роли ни в его умственном становлении, ни в его обращении, хотя Августина он между делом упоминает дважды⁵.

---

¹ Бакстер, Ричард (1615–1692) — пуританский теолог и проповедник, основатель течения в кальвинизме, отличающегося менее строгой трактовкой догмата о предопределении. — Прим. пер.

² Льюис К.С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. С.13.

³ “Christian Apologetics,” *An Experiment in Criticism* (1961), p. 148.

⁴ Августин обсуждается в *The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition* (1936), pp. 64–66, и цитируется в *The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature* (1964), pp. 49, 50, 107n., 121n. и 175. Подробнее о том, как Льюис читал отцов Церкви, см. Mark Edwards, «C.S. Lewis and Early Christian Literature» в *C.S. Lewis and the Church. Essays in Honour of Walter Hooper*, ed. by Judith Wolfe, B.N. Wolfe (London: T&T Clark, 2011), pp. 23–39.

⁵ *Surprised by Joy: The Shape of My Early Life* (1955; autobiography), ix, 215.

В книге «Отброшенный образ» он немного говорит о трудах Псевдо-Дионисия, но лишь потому, что они очень важны для средневекового Запада¹. В «Чуде» — три ссылки на отцов, все в пределах страницы, но две взяты из вторых рук, от современных западных авторов². Льюис написал предисловие к английскому переводу св. Афанасия Великого («Воплощение Слова Божия»), но лишь потому, что был в дружбе с переводчицей, сестрой Пенелопой³. Предполагают, что «глубокая магия» в «Льве, Колдунье и платяном шкафе» восходит к учению об Искуплении, как его толковал св. Григорий Нисский⁴. Но соответствия не так уж явственны; скорее, Льюис взял это у Августина или у нынешних богословов.

Поэтому я вполне согласен с Беде Гриффитсом⁵, которому Льюис посвятил книгу «Настигнут радостью». Гриффитс пишет:

Примечательно, что Льюиса очень мало интересовали отцы Церкви. Казалось бы, для человека такой классической культуры естественно любить латинских и греческих отцов, но, кроме ссылки на «Исповедь» св. Августина, я не припомню ничего⁶.

За немногими исключениями, источники у Льюиса западные, причем средневековые или Нового времени, а не святоотеческие. Кроме Платона, Августина и Боэция, наставники его — Данте, Хукер, Спенсер, Мильтон, Джонсон, Макдональд, Честертон, Чарльз Уильямс, одно

¹ *The Discarded Image: An Introduction to Medieval and Renaissance Literature*, pp. 70–75.

² *Miracles: A Preliminary Study* (1947, revised 1960), p. 92.

³ Reprinted under the title “On the Reading of the Old Books” in ECII 30–35; см. Walker, “Under the Russian Cross,” p. 64.

⁴ Walker, “Under the Russian Cross,” p. 64.

⁵ Гриффитс Беде — друг Льюиса, монах-бенедиктинец. — Прим. пер.

⁶ Alan Bede Griffiths, “The Adventure of Faith”, in C.S. Lewis at the Breakfast Table, p. 21.

время — Йейтс. Тут есть почти все — и католики, и протестанты, а вот православных нет. Да, прав Эндрю Уолкер: «Льюис — глубоко западный человек»¹.

3. Апофатика, но не литургика

Но и это не все. Хотя Льюис почти не связан с православием и почти не ссылается на восточных отцов, часто он очень похож на них, похоже мыслит. Предпосылки у него западные, а выводы — такие, которые мог бы поддержать православный христианин. Это тем замечательней, что прямого влияния нет.

Чтобы показать это, обращусь не столько к его апологетике, сколько к сказкам и романам, ибо именно в них богословское видение особенно своеобразно и глубоко.

Однако сперва скажу об одном свойстве, которое вряд ли понравилось бы православному христианину. В 1962 году, за год до смерти, Льюис писал Беде Гриффитсу: «Никак не могу заинтересоваться литургией». Гриффитс прибавляет, что к концу жизни «Льюис... обрел глубокое благоговение перед тайной евхаристии... однако ему так и не удалось воспринять Церковь как *worshipping community*² и культ... — как небо на земле»³. Православные же воспринимают христианство прежде всего через литургию. Восточное богословие прежде всего осознает Церковь как *worshipping community*, как упорядоченное и стройное воплощение «неба на земле», явленное в литургии. Здесь Льюис очень далек от православия⁴.

Однако это уравнивают четыре важнейших «сопадения». Льюис остро ощущает сокровенность Бога, Его

---

¹ Walker, "Under the Russian Cross," p. 63.

² Совершающую обряд общину (англ.) — Прим. пер.

³ Griffiths, "The Adventure of Faith," p. 20.

⁴ Подробнее о представлениях Льюиса о земном и небесном измерении Церкви см. J. Wolfe, "C.S. Lewis and the Eschatological Church" in *C.S. Lewis and the Church. Essays in Honour of Walter Hooper*, ed. by Judith Wolfe, B.N. Wolfe (London: T&T Clark, 2011), pp. 103–116.